

Литературная страна

ТУРНИР

**СТРАНА СЛУШАЕТ
ВОЖДЯ**

Ноябрьский вечер... год тридцать шестой... Тишина спустилась надо всей страной. Замерла природа и притихли люди. Потому, что скоро говорить он будет! Он—любимый Сталин наш, родной отец, И казалось замерли тысячи сердец. Вдруг грохочущий шквал, прорвав тишину, Через микрофоны хлынул в страну— Он зародился в родном Кремле. И вмиг прокатился по всей земле. Будто в мире хлынул проливной дождь, В Кремле на трибуну взошел вождь! «Да здравствует Сталин! Рот фронт! Биват!..» Ему аплодируют Ленинград, Тула и Харьков, Ташкент и Приморье, Слилось все в шуме могучем, как море. В эфире шум средь радиоволн— Необъятный мир аплодисментов полон. Они то затихнут, то вновь возрастут. Так длится десять, пятнадцать минут... И кажется, не будет им конца, И кажется, не выдержат сердца Такой любви и восторга прилив... Наконец, Сталин заговорил. Каждый слушал внимательно речь, Желая навеки в сердцах сберечь Слова простые и голос его. И чувствовал каждый, что за него— Кто дал счастье миллионам сердец, Кто Конституции нашей творил, По первому зову каждый, любой, Готов был ринуться с врагами в бой!

Л. Рождественский.

Комсомолка Клавдия Зайцева—студентка Московского института химического машиностроения—активистка обороны работы.
Фото П. Игнатенко. Фото-клише ТАСС.

Отрывок из неопубликованной повести
«Личные записки комсомольца Гилева»

Бечер. Точно черным сукном завешаны снаружи окна—ни зги не видно. И только когда гаснет свет (а сегодня он гас уже трижды), за окнами, во мраке можно различить тусклые световые пятна далеких фонарей.

Ветер с моря беспрерывно хлещет по стеклам ледяным песком.

Он то затихает, как

бы для передышки, то с еще большей яростью бросается на стены корпуса, точно стремится ворваться внутрь.

В палатах не тепло—всего 14 градусов. Сестра уже звонила в котельную. Для проверки оттуда прислали закопченного, промасленного, пахнувшего нефтью паренька. Он проверил показания термометра, повертел винтиль у отопительной батареи и ушел, пообещав, что через час станет тепло.

А пока что старички-больные ожидают чайку, чтобы погреться. Кутаясь в одеяла и халаты, они вздыхают по жарко напоенной, деревенской бане, по горячей русской печке и по своим старушкам, скучающим дома в одиночестве.

Сегодня мечтать вслух никто не мешает—вся ходящая молодежь занята последними приготовлениями к турниру.

Около наших коек суета: это Аркадий и Кальвин наделяют играющих комплектами шашек, дают необходимые наставления, объясняют правила игры...

Тут же между участниками турнира возникают споры. Например, мой левый сосед, «потомственный печник» Шмаков (потомственный печником его прозвали за то, что и отец, и дед, и прадед его были печниками) спорил с Ванюшкой. Первый заявил, что он будет играть с «фуком», а второй из себя выходит, доказывая, что в турнирах с «фуком» не играют.

Конец спору положил Кальвин. Он разъяснил, что в турнирной игре «фукать», т. е. снимать с доски шашку противника, которой он мог быть, но не был, нельзя.

«Потомственный печник» таким разъяснением остался недоволен, но ведь Кальвин—начальство, с ним спорить не станешь...

* * *

Турнир!.. Уж очень громкое это слово, слово можно сказать, международного масштаба. Нам бы нужно какое нибудь попрошее... Ну, да теперь поздно говорить об этом, поздно искать другое слово—Аркадий уже собирается оглашать правила игры.

В нашей палате игра будет проходить на четырех досках, две из которых помещаются около меня: справа будут играть Аркадий и Ванюшка, слева—Шмаков и Вероника.

Вероника единственная женщина, участвующая в турни-

ре, потому эта партия привлекает много любопытных. Когда сегодня днем Шмаков узнал, что в первом туре ему предстоит играть с женщиной, он даже расстрелялся.

— Вот те на! Седьмой десяток на свете живу, а не видывал такого, чтобы баба в шашки играла...

— Не баба, а женщина,— поправил Аркадий. — Бабой сваи забивают.

— Все единого, что в лоб, что по лбу,—с досадой огрызнулся Шмаков и сердито спросил:—Ты, мил человек, скажи-ка лучше, как играть с твоей женщиной? Как ты ее в нужник запрещешь?.. А?.. Одно неприличие получится.

Палата захлебнулась смехом, а потом весь день больные не давали покоя старику. А он отмахивался от них, как от назойливых мух, и что-то ворчал себе под нос. Он уже не раз покаялся, что ввязался в эту игру, но отказаться от участия в турнире ему мешала известность непобедимого шашиста, каким он показал себя в больнице.

Сейчас около Шмакова и Вероники сгруппировалось большинство зрителей. Они немножко стесняют и смущают Веронику, сидящую на краю моей койки. Для храбрости она привела с собой большую Гогину—симпатичную жевщину средних лет, с лицом азиатского типа, и посадила ее рядом с собой.

Шмаков тоже не в своей тарелке. Он полулежал на своей койке, закрившись по грудь одеялом. Выражение лица недовольное. Правой рукой, на которой отсутствует средний палец, он с ожесточением щиплет свисающие, длинные, седые усы и все время исподлобья поглядывает то в сторону Аркадия, начинавшего уже читать правила игры, то на сидящую напротив Веронику, то, наконец, на шашечную доску, находящуюся на табуретке между ним и Вероникой.

... Чтение правил закончено.

— У кого есть вопросы? Может быть что-нибудь непонятно?—Это спросил Аркадий.

Молчание.

— В таком случае турнир начинается!

Вероника, не думая, выдвинула шашку на левом фланге. Шмаков сел поудобнее и тоже начал с левого фланга.

Вероника двинула следующую шашку на том же фланге. Шмаков подумал и перекинулся на правый фланг. Он первничал и уже с первых хо-

дов начинает задумываться, в то время, как Вероника двигает свою шашку уверенно, точно действует по заранее намеченному плану.

Развернув левый флаг и укрепив правый, она завладела центральными полями доски и начала подтягивать тяловые шашки.

Вдруг Шмаков склонился над доской, взял с нее шашку Вероники, поднес ее ко рту, демонстративно раздул виальные, морщинистые, поросшие пепельно-серой щетиной щеки и, торжественно смотря на партнера, шумно выпустил из себя воздух и одновременно произнес: «Фук!»

— Эээ, потомственный печник, «фукать» нельзя, пусть она бьет!—запротестовал сразу несколько «болельщиков».

Со Шмакова сразу слетела вся торжественность. Он поставил шашку на прежнее место, но случай этот окончательно испортил ему все настроение и он стал делать одну ошибку за другую. А ведь до этой злостной встречи с женщиной он считался лучшим игроком хирургического отделения, он был мастер ставить партнера в безвыходное положение, т. е. защищать его шашки или, как он говорил, «садить в нужник». Это его страсть.

... Как обстоят дела на двух других досках, мне не видно, они далеко от меня.

... Около Шмакова и Вероники оживление, возгласы, смех.

— Айда, дедушка! Стар, стар, а тоже «дамочку» займеть охота.

Но в ответ запушили и засмеялись еще сильней. Потом зааплодировали. Это закончилась игра между Шмаковым и Вероникой.

Финал игры интересен.

Вероника имела четыре простых шашки и одну дамку, Шмаков только три простых, одна из которых была кандидатом в дамки.

Он так увлекся этим кандидатом, что не заметил, как Вероника заперла у него одну шашку и в то же время подготовила ловушку для будущей дамки и второй шашки.

Когда Шмаков понял ее коварство, было уже слишком поздно. Он растерянно замычал от неожиданности, откинулся на подушку и не стал делать последний и единственный, оставшийся в его распоряжении ход, ход, отдающий на съединение и новорожденную дамку и простую шашку.

Вот тут то и зааплодировали больные.

В этот вечер больные долго не спали, переговариваясь и шушукаясь. Но дольше всех не спал «потомственный печник». Он кряхтел, ворочался с боку на бок и много курил. Проигранная партия не давала ему покоя.

Леонид Рождественский.
г. Курган.

ВСЕНАРОДНОГО СЧАСТЬЯ ЗАКОН

На всех языках необъятной земли
о величии невиданных наших побед
Пусть песня свободы и счастья звучит.
Да здравствует родины нашей расцвет!
Да здравствует Сталин, чей солнечный гений
нам дал всенародного счастья закона.
Пусть ярче пылает огонь вдохновения,
Немеркнущим солнцем наш путь озарен!
Нет в мире богаче, могучей и брашне
Цветущей советской страны.
А жизнь так прекрасна и радостна наша,
Сверкают нам зори всемирной весны.
Г. Богатырев.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Сегодня стройными рядами
Идут колонны по стране,
Знамена плещутся волнами—
Все говорит об этом дне.
За рубежом нашараг лютеет,
Скрипит зубами, зверя злей.
Страна спокойно торжествует
В день Конституции своей.
Нам не страшны пурга и холод,
Здесь обновленная земля,
Здесь каждый счастлив,
сердцем молод,
Растет советская семья!..
Г. Гавренко.

37,8 миллиона экземпляров Конституции СССР

По данным Всесоюзной книжной палаты, Конституция СССР издана за четыре года на 76 языках тиражом в 37,8 миллиона экземпляров. Она вышла в свет на многих языках народов Советского Союза, которые до великой Октябрьской Социалистической революции не имели даже своей письменности.

Конституции союзных и автономных республик изданы за эти годы общим тиражом в 35,9 миллиона экземпляров. (ТАСС).

Депутат Верховного Совета СССР Герой Советского Союза, дважды орденоносец летчик С. Н. Супрун на отдыхе в Азунке.
Фото И. Блох. Фото ТАСС.